

щади, протягивающийся узкой полосой вдоль береги Волги, и степной, заключенный треугольнике Куйбышев — Пугачев — Балаково.

Прибрежный район по общему облику материальной культуры имеет много общего с выделенным нами правобережным этнографическим районом. Это связано с историей заселения левобережья: все деревни левобережья являются выселками из старинных сел правобережья (Широкий Буерак, Терса и др.). Степной район заселялся преимущественно из южных областей нашей страны. Так, село Ивантеевка заселено выходцами из Пензенской, Тульской и Курской областей, Бартеневка — из Курской и Орловской, Хворостянка — из Воронежской, Курской, Пензенской, Елань — из Орловской и т. д. Поэтому на данной территории отмечаются некоторые своеобразные особенности в отдельных элементах материальной культуры. Это дает основание выделить данную территорию в самостоятельный этнографический подрайон.

Е. П. Бусыгин

ГАРМСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1954 г.

Работа Гармской этнографической экспедиции является продолжением работы по сплошному этнографическому обследованию Таджикистана, начатому сектором этнографии и истории искусства Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР в 1948 г. Обследование было начато с Кулябской обл., тогда менее всего изученной. Следующей областью была намечена Гармская, потому что из нее происходит массовое переселение колхозников в южные районы, на земли нового орошения. В 1952 и 1953 гг. в Гармской области были обследованы районы бассейна р. Сурхоба. В 1954 г. перед экспедицией стояла задача завершить полевое обследование областей работами в Дарвазе — на правобережье р. Пяндж и частично в бассейне р. Хингоу. Экспедиция, руководимая А. К. Писарчик, работала в составе трех отрядов: Дарвазского этнографического (нач. отряда Н. Н. Ершов), Дарвазского искусствоведческого (нач. отряда Н. Х. Нурджанов) и Джиргитальского этнографического (нач. отряда Б. Х. Кармышева).

Работы первых двух отрядов экспедиции подтвердили, что этнографически Дарваз занимает промежуточное положение между Припамирьем (Западным Памиром) и Каратегином. Это проследивается в области как материальной, так и духовной культуры. Типы жилища, одежды, сельскохозяйственных орудий, верования, танцы, развлечения, обычаи и обряды, связанные с семейной жизнью, — все это сочетает в себе черты Припамирья и Каратегина. Естественно, что припамирские черты особенно заметны в примыкающих к Припамирью верхних кишлаках Дарваза.

Так же, как Припамирью и частично Каратегину — этим, в недавнем прошлом труднодоступным и остальным горным районам, — Дарвазу присущи самые причудливые сочетания новейших достижений культуры и техники с отдельными пережитками древних эпох. Новое — это прежде всего новые производственные отношения, новое сознание, новое положение женщины, современные средства сообщения, радио, школы, новые праздники, промышленные товары — одежда, обувь, пищевые продукты. Основное направление в новом — это приобщение к передовой культуре через преодоление былой замкнутости, через школы, армию, различные виды специального обучения. Это — ослабление зависимости от внешней среды, от природных условий: в хозяйственной жизни благодаря познанию законов природы и применению научной агротехники, быту благодаря утепленному жилищу и теплой одежде, благодаря общему повышению материального уровня, и в частности ликвидации систематических весенних голодовок, когда нередко люди спасались от голодной смерти, питаясь только дикими травами и корнями, а также рано поспевающими сахаристыми плодами тутовника.

Все эти изменения совершенно преобразили облик горцев-таджиков, в прошлом задавленных нуждой и феодальным гнетом, способствовали превращению их в активных и сознательных членов социалистического общества. Но вместе с тем еще бытуют многие пережитки старого: древние орудия труда, например, мотыги древнейшего типа с наконечником, неполовностью охватывающим конец изогнутой рукоятки (рис. 1), архаические предметы утвари, некоторые старые обычаи и суеверия. Сохранившиеся древние формы материальной культуры представляют значительный научный интерес с точки зрения истории техники. Это относится, например, к искусному применению в быту камней, свежих древесных побегов вместо веревки, рога, из которого изготавливается много бытовых предметов, начиная с колец и футляров для иглол и кончая пороховницами, стрелами и мотыгами. Не менее интересно использование кожи для изготовления сосудов, плотов и т. п. Основное население Дарваза — таджики. На территории Таджикистана Гармская область и прилегающие к ней горные районы соседних областей представляют собой самый большой сплошной массив таджикского населения. Только в Джиргитальском районе, на северо-востоке области, живут киргизы. Киргизы раньше обитали также в северных районах области (бассейн р. Сурхоба, б. Каратегин), где

таджики поселились лет 200 назад. Остается еще неясным вопрос о первоначальном населении области, но он может быть решен только коллективными усилиями историков, археологов, этнографов и антропологов, особенно палеантропологов.

В Дарвазе не выявлено преданий о проживании здесь тюркоязычных народов. Видимо, это одна из областей исконного проживания таджикского населения. Вместе с тем в языке и быте местных таджиков много черт сходства с так называемыми припами-

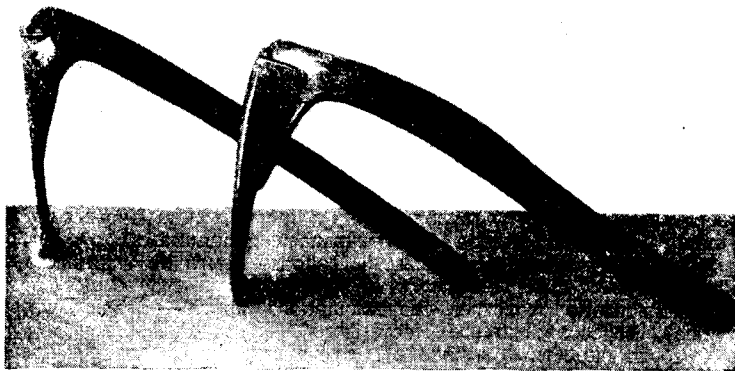

Рис. 1. Дарвазские мотыги

скими народностями, говорящими на древних восточноиранских языках. В соседнем с Дарвазом Ванче язык восточноиранской группы бытовал еще около 100 лет назад. В литературе приводятся данные о существовании несколько столетий тому назад такого же языка в Дарвазе¹.

Кроме местных таджиков, в районном центре и центрах сельских советов живет довольно много равнинных таджиков, русских, татар и др. Это учителя, врачи, торговые работники, служащие, приехавшие в район в годы Советской власти. Несмотря на сравнительную немногочисленность, все эти новые элементы, особенно равнинные таджики, оказывают значительное влияние на культуру и быт местного населения.

Дарвазские таджики сохраняют деление на родовые группы (каун, каум), имеющие общее кладбище. Наряду с местными каунами имеется много таких, родоначальники которых, по преданию, были выходцами из селений по левому (ныне афганскому) берегу Пянджа, долин рр. Оби Ниоу, Яхсу (Кулябская область), р. Хингоу и даже из Дагбеда, в окрестностях Самарканда, и из Хорасана.

Между верхними и нижними (по течению р. Пяндж) селениями Дарваза есть различия в говорах. Селение Ёгед в юго-западной части Дарваза по ряду особенностей материальной и духовной культуры выделяется из других; в частности по религии ёгедцы — шииты в отличие от окружающих суннитов.

Основными занятиями дарвазских таджиков были и остаются земледелие и животноводство. В горных условиях занятия эти имеют специфический характер. Техника земледелия здесь всегда отличалась большой примитивностью даже по сравнению с соседним Каратегином. Так, например, до 1935 г. в Дарвазе при обмолоте хлебов не применялась плетенная из хвороста волокуша; молотили, гоняя скот по разложенным на току снопам, или, в небольших количествах, — просто ударами палки. До 1952 г. в Дарвазе не было саней волокуш (чигина), широко распространенных в Каратегине. Тяжести, в частности урожай с поля, перевозятся на ослах или, чаще всего, переносятся на спине. При необеспеченности в прошлом хозяйств рабочим скотом (например, в с. Умарак до революции на 100 хозяйств имелось 14 пар рабочих волов) дарвазцы нередко обрабатывали землю мотыгой описанного выше архаического типа. Дарвазские разновидности плуга из-за крутого рельефа полей меньше аналогичных каратегинских. Местный плуг (сипор) до сих пор — основное сельскохозяйственное орудие обработки полей, расположенных на склонах гор. Как и в Каратегине, колхозы здесь испытывают острую нужду в усовершенствованных орудиях сельского хозяйства, приспособленных к горному рельефу.

Основными сельскохозяйственными культурами до революции были зерновые (пшеница, ямень, просо), бобовые, масличные, бахчевые и огородные. Высеивали до-

¹ М. С. Андреев, О таджикском языке настоящего времени, «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сталинабад, 1945, стр. 59 и 65; Г. А. Арандаренко, Дарваз и Каратегин, «Военный сборник», 1883, № 11, стр. 145.

вольно много хлопка, который обеспечивал нужды местного населения и частично шел в соседний Ванч и в долину р. Хингоу. Преобладали посевы под дождь, поливных земель было мало, озимые посевы почти не практиковались. Характерны были смешанные посевы, главным образом ячменя с бобовыми; их убирали, молотили и мололи вместе, получая комбинированную муку.

Так как техника земледелия по указанным выше причинам пока еще изменилась мало, повышение урожайности и доходности колхозного хозяйства достигается главным образом путем проведения агротехнических мероприятий: увеличения поливных земель, введения озимых посевов зерновых, лучшего удобрения почвы (что стало возможным благодаря увеличению поголовья скота, особенно рабочего), улучшения семенного фонда, введения новых культур — картофеля, помидоров и др.

В Дарвазе значительно развито садоводство (урюк, вишня, алыча, виноград, гранаты, персики, инжир и др.). Очень распространен тут, плоды которого до революции часто заменяли беднякам хлеб. В настоящее время, когда Дарваз обеспечен хлебом, на основе культуры тут успешно развивается шелководство, которое за годы Советской власти стало одной из доходных отраслей колхозного хозяйства.

Данные по животноводству свидетельствуют о росте поголовья и изменении состава стада. Возросло количество рабочего скота, мелкая местная овца «гадик» заменена гиссарской курдючной, а местами и вюртембергской. Стойловое содержание овец зимой заменилось отгоном их на зимние пастбища в Кулябскую область.

До революции в Дарвазе имели широкое распространение промыслы и ремесла. Это было в первую очередь ткање (мужчинами и женщинами) разнообразных по оформлению бумажных тканей; шерстяных в Дарвазе почти не ткали. Во всех селениях было развито кузнечество, производство ножей и стальных клинков (в с. Егед), гончарство (исключительно женское, без гончарного круга — Егед, Висхарв и верховья р. Хумбов), деревообделочное мастерство (Пшихарв), вышивание тубетек (Егед, Калаи-Хумб и окрестные кишлаки). Все эти ремесла давали продукцию не только для собственного потребления, но и на продажу-обмен между селениями своего района, а частично и за его пределы. В 1930-х годах, в связи с появлением дешевых промышленных товаров, ряд промыслов почти прекратился, затем возродился было в годы Великой Отечественной войны и опять заглох в послевоенные годы. Сохранилось кузнечество, причем некоторые кузнецы расширили сферу своей деятельности и занимаются также ремонтом примусов, велосипедов и других предметов современного быта. Имеются некоторые промыслы местного, районного значения. Так, в селениях Егед и Висхарв производят керамику, а в с. Пшихарв — деревянную утварь и посуду. Характерная черта этого производства — обилие изделий из гнутого дерева: всевозможных лукошкообразных сосудов для хранения молочных продуктов и сыпучих тел, емкостью от нескольких килограммов до 2 центнеров (рис. 2).

Материальная культура Дарваза, как уже говорилось, занимает промежуточное место между Припамирьем и Каратегином. Старое жилище Дарваза (рис. 3) в основном относится к припамирскому типу, сохраняя его наиболее характерную черту — деревянный свод из наложенных друг на друга, уменьшающихся к центру деревянных рам, сделанных из толстых бревен (рис. 4, II). Снаружи на крыше таких домов имеется характерная приподнятость в виде холмика с дымовым отверстием посередине². В жилищах долины р. Хингоу эта часть перекрытия постепенно вырождается в декоративное оформление дымового отверстия из тонких досечек, теряя свой конструктивный характер³. В этом случае крыша бывает ровной. Такое оформление дымового отверстия во многих районах Гармской и Кулябской областей, а также в ряде других мест (например, Ферганская долина) свидетельствует о значительном распространении в прошлом на территории горного Таджикистана и шире этого типа жилья, параллель которому имеется в грузинских старинных домах типа «дарбази», в старинных домах Читрала и в памятниках Восточного Туркестана.

В отношении планировки нар и расположения очага в дарвазском жилище встречаются памирский и каратегинский типы (долина р. Хингоу). В жилище памирского типа сплошные глинобитные нары высотой от 50 см до 1 м устроены у всех стен, кроме той, где находится вход. Поэтому пол комнаты представляет собой небольшое (2—3 м каждая сторона) прямоугольное пространство в центре, как раз под ступенчатым сводом. Справа или слева от входа находится очаг, открытый в сторону комнаты (см. рис. 4, I). В жилище типа долины Хингоу нары не охватывают со всех сторон комнату — справа или слева имеется небольшое свободное от нар пространство; поэтому пол комнаты имеет форму не прямоугольника, а буквы «Г», и очаг расположен у края нары, обращенного в это боковое пространство пола (см. рис. 4, III). Характерной чертой старого жилища в обоих вариантах являются его большие размеры (8—10 м одна сторона), так как это в основе — жилище неразделенной большой семьи, а также то, что в нем всегда у входа имелось помещение для ягнят и телят.

² Описание, чертежи и зарисовки домов этого типа см. в работе: В. Л. Воронин и а, Жилище Ванча и Язгулема, Сб. «Архитектура республик Средней Азии», М., 1951, стр. 256, 257, 259 и сл.

³ В мечетях — алоухона — это перекрытие продолжало бытовать во всем Каратегине до последнего времени.

Теперь все большее распространение получает жилище нового типа (хиджра) с печью или плитой и застекленными оконными рамами. Это всегда жилье одной

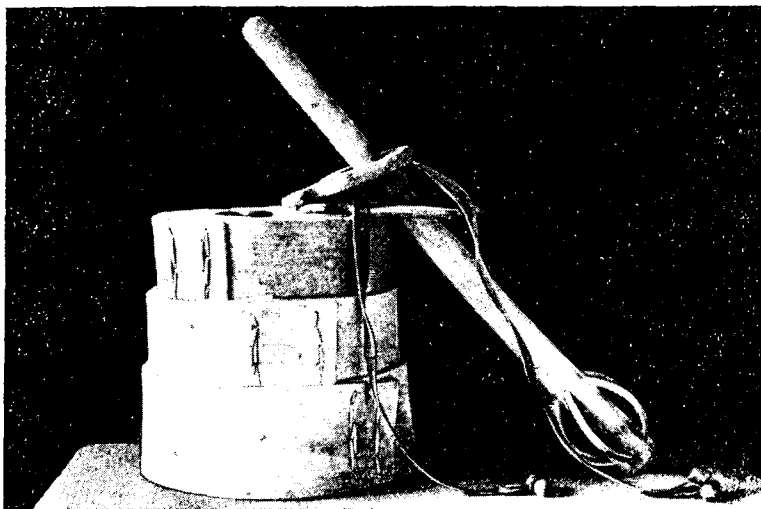

Рис. 2. Деревянная масlobойка из трех ярусов ободьев

индивидуальной семьи, поэтому по размеру оно гораздо меньше старых домов. Нередко семья живет в новом жилье, а старое сохраняется рядом как хозяйственное помещение.

В отдельных селениях жилище имеет местные особенности. Так, например, в

Рис. 3. Дом в с. Пшихарв

с. Тогмай над земляными крышами домов раньше делались камышечные двускатные навесы, предохранявшие крышу от дождя (почва здесь песчаная, и без навеса крыши протекали); теперь вместо навесов делают обычные земляные крыши с прокладкой из толя.

Летом из-за обилия мошек и комаров население спит на высоких помостах из жердей, поднятых на 1,5—2 м, а если селение находится у горной речки, жители выходят спать к самому берегу.

Общие тенденции изменения одежды в Дарвазе те же, что и в долине р. Сурхоба и во многих других местах. Кустарные ткани почти целиком вытеснены фабричными.

Мужская одежда принимает все больше черт одежды городского типа. Есть и местные моды: до войны все местные щеголи носили вельветовые брюки галифе, после войны модны были военные гимнастерки, в последние годы предпочитают пиджак и брюки, которые местная интеллигенция носит на выпуск, а колхозники — заправленными в сапоги.

Женщины Дарваза, так же как в Каратегине и в Кулябской области, носят бешметы, имеющие простой стоячий или стоячий с плиссированной оборкой, редко от-

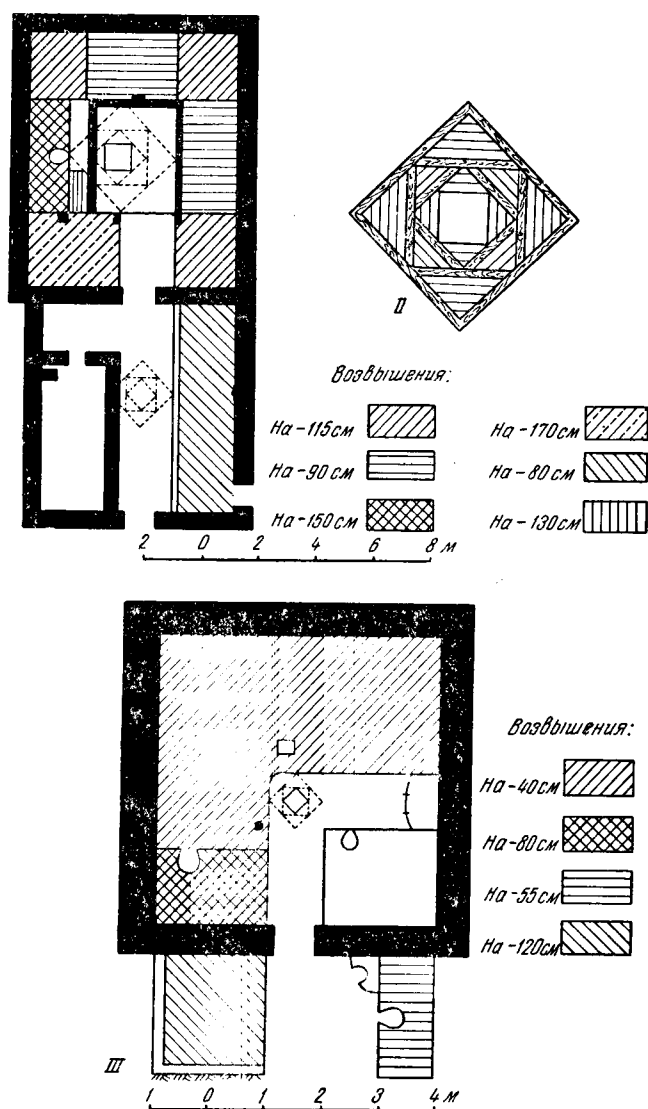

Рис. 4. I — план дома в с. Пшихарв; II — схема деревянного сводчатого потолка в пшихарвском доме (как и в домах припамирского типа); III — план дома в с. Езганд

ной, воротник, и застегнутый перед с накладной планкой. Поверх надевается цветное платье с глубоким вырезом спереди, часто украшенное вышивкой на груди, рукавах и подоле (рис. 5). Характерная черта нового покроя — широкие рукава. Выделяются женские платья с Егед, сохранившие много старых черт. В них рукава широки у основания и узки к кисти, а боковые клинья платья узки сверху, отчего платье прилегает в талии. Характерна вышивка на груди, подол не вышит (рис. 6). Значительное влияние на одежду, особенно женскую, оказало распространение швейных машин, дошедших до самых далеких горных кишлаков. Машинная строчка используется как декоративный элемент. Обувь носят главным образом покупную, городского типа.

Широко распространены вышитые тюбетейки с характерным дарвазским орнаментом, очень разнообразным и богатым. Из новых типов тюбетеек местные мастерицы (например, в с. Умарак) начали вышивать «чустские» (черные с четырьмя белыми миндалевидными фигурами), которые стали распространяться из с. Чуст по городам Ферганы в начале нашего века и теперь являются излюбленными почти на всей территории Узбекистана и Таджикистана. Раньше женщины не носили тюбетеек, а теперь в районном центре они их носят. Большинство женщин и сейчас ходит в белых платках, которые повязываются разными способами.

Из украшений носят главным образом шейные бисерные повязки, браслеты из бус. Серебряных украшений мало, несравненно меньше, чем у таджиков Кулябской области.

Прически у молодых и пожилых женщин различны. Молодые заплетают сверху над ушами по две косы, которые потом сплетаются с косами, заплетенными сзади, на спине. В праздничной прическе иногда вместо двух кос над ухом заплетают одну из многих прядей. Пожилые связывают концы кос шнурочком, который лежит сзади на шее и поддерживает косы в подобранном положении.

Пища дарвазцев в дореволюционное время состояла главным образом из сухенных плодов тута (чаще всего в виде тутовой муки) и мучных похлебок, заправленных молочными продуктами. Хлеба было мало, пекли его чаще не из пшеничной муки, а из просяной или гороховой. Большую роль в питании играли дикорастущие травы и корни. В советские годы пища дарвазцев обогатилась прежде всего хлебом, а также рядом новых продуктов (рис, макароны, вермишель, сахар, картофель). Появились новые блюда (например, плов, который сейчас обязательно входит в свадебное угощение). Однако, до сих пор отсутствуют такие широко распространенные на равнине блюда, как пельмени и пирожки. Мясо употребляется чаще всего в супе, жареное мясо считается лакомством. Экспедицией записано большое количество сведений о различных видах пищи и способах ее приготовления, об отношении к пище (почитание мяса овец, горных коз, почитание рыбы, тыквы, ячменя: ячменный хлеб кладется на дастархане поверх пшеничного).

Много внимания уделялось экспедицией семейному быту дарвазцев. Как и повсюду, был этот за годы Советской власти неизменно изменился. Особенно велики перемены в положении женщин — возрастает доля ее участия в заработках, в связи с этим меняется ее положение в семье.

В обычаях и обрядах, связанных со свадьбой, выявлен ряд своеобразных черт: танцы родственниц жениха на заре, перед его отправлением в дом невесты (субхдамак); обычай «ша-хизмат» — посещение тестя женихом перед свадьбой якобы для «выполнения служб»; характерные детали при заплетании волос невесты и др.

Большие сдвиги произошли в воспитании детей. Везде, где есть врачебные пункты, матери обращаются туда в случае болезни детей. Однако роды до сих пор стараются проводить дома, к врачам обращаются только в тяжелых случаях.

Среди старшего поколения, особенно женщин, еще сохранились многие суеверия: вера в существование семидесятигрудого демона, вредящего младенцу, представление о вреде, якобы причиняемом новорожденному мертвецом, и др. В прошлом старались «обезопасить» детей, имитируя похищение ребенка или укладывая его в старую могилу; протаскивали детей через вырезанные в середине хлебные лепешки, через кожу, снятую с пасты волка, кормили высушенными и толчеными языком и глазами змеи и т. д. Теперь прерасудки и суеверия постепенно уходят из быта, но проводимая среди населения культурно-просветительная и антирелигиозная работа все же еще недостаточна.

Крепко держатся старые похоронные обычаи и обряды, в которых сохранилось больше всего старых представлений. Могила роется в виде прямоугольной ямы (без боковой ниши «лахал»), в которой из каменных плит выкладывается нечто вроде гроба, открытого со стороны ног. Через это отверстие вносится покойник. В с. Егед записаны сведения о коллективных могилах, в которых хоронят до 30—40 представителей одного

Рис. 5. Девушка в нарядном вышитом платье. Калаи-Хумб, 1954 г.

каума. В каждом кауме имеются особые коллективные могилы для мужчин, женщин, мальчиков и девочек. Чтобы освободить место для нового покойника, перекладывают в сторону кости умерших прежде. Записаны сведения об оплакивании покойника с совещением обрядовых женских и мужских танцев (отмечено ранее для Припамирья), о пуске женщин — ближайших родственниц умершего на кладбище во время похорон (тоже раньше было отмечено только для Припамирья), об изготовлении куклы-чучела для оплакивания, если человек погиб на чужбине.

Большой материал собран по народным развлечениям, играм, театру. Дарваз издавна славился своими талантами, и дарвазские народные артисты нередко совершали поездки в Каратегин, где их всегда радостно встречали. Записаны новые пьесы и пьесы

Рис. 6. Женское платье из с. Ёгед

ресные варианты известных ранее пьес-пантомим. Например, в с. Пшихарв записан вариант широко распространенной в горном Таджикистане шуточной пьесы (Бобоирак), в которой высмеивается старик, женившийся на молодой. До сих пор в этой пьесе молодую женщину обычно играет мужчина. Много наблюдений сделано по народному танцу. Дарвазский танец по сравнению с каратегинским более отшлифован, пластичнее, ритм в нем более четок. Несколько выделяется танец в с. Ёгед. В нем развиты изящные повороты, ритмические постукивания ног, в то же время отсутствует характерное движение — помахивание широким рукавом платья. Для Дарваза характерна игра женщины на бубне.

В 1954 г. экспедицией впервые совместно со Сталинабадским домом народного творчества начаты работы по изучению народной песни. Записано на пленку около 100 песен: женских, лирических, шуточных, сатирических, обрядовых, сделано несколько записей женской игры на варгане (чанг). Наиболее распространенный жанр — любовная лирика. Как и в других жанрах, в ней преобладает куплетная форма; развитие мелодии — вариационное, наиболее частые лады — фригийский и натуральный минор. Песни эти бывают двух родов — повествовательные и танцевальные, частушечного типа. В песнях часто используются тексты классиков (Джами, Хафиза) и современных поэтов-профессионалов. Женские шуточные обрядовые песни исполняются без аккомпанемента. Несмотря на малый диапазон, они оставляют яркое впечатление благодаря сочетанию речитатива, распева и мелизматической орнаментации. Помимо записей песен, собирались сведения об исполнителях, о музыкальном инструментарии прошлого и настоящего на бубне.

В Дарвазе хорошо сохранились воспоминания о старом календарном счете по периодам, носящим названия частей человеческого тела. Этот счет был характерен для припамирских народностей, а в реликтовом виде был зафиксирован в долине р. Хингис. Записи 1954 г. добавляют новые данные к опубликованным ранее и к неопубликованным еще записям из архива покойного М. С. Андреева и позволяют с достаточной ясностью восстановить всю систему этого уже исчезнувшего календаря и установить его распространение.

Как и в предыдущие годы, подробно изучались верования и обряды. Установлено, что из годовых праздников еще справляется новый год, приходящийся на день весеннего равноденствия. В некоторых местах новый год справлялся дважды — первый раз, примерно, в феврале и вторично в день весеннего равноденствия. Справляются еще также, главным образом представителями старшего поколения, мусульманские праздники рамазан и курбан, однако они утратили теперь былую торжественность. В настоящее время самыми веселыми и радостными праздниками являются 1 мая и 7 ноября: в эти дни часто устраиваются скачки, национальная борьба.

Джиргитальский этнографический отряд занимался изучением киргизов и живущих попеременно с ними таджиков. Еще недавно, лет 200—250 назад, Джиргитальский район, граничащий с Алайской долиной и Памиром, был заселен только киргизами. Теперь население всюду смешанное — киргизско-таджикское. Таджикские семьи пришли из Вахио и помнят еще, когда и из какого кишлака они выселились.

В Джиргитальском районе проживают потомки киргизских родов: Бостон, Гыдырша, Теит, Ахтарчи, Кесек и Кыпчак. Все они относятся к племени ичкилик. По предстанию каратегинских киргизов, все киргизы делятся на две группы: тышкы кыргыз («внешние киргизы») и ички кыргыз («внутренние киргизы»), отсюда название ичкиликлар («внутренние»), или ичкилик. «Внешними» называют киргизов, живущих к северу и к северо-востоку от Джалал-Абада и Нарына. Ичкиликами называют юго-западных киргизов, тех, что «вошли внутрь узбеков, смешались с узбеками, подчинились узбекскому хану». Каратегинские киргизы считают себя выходцами из Хисара (Гыдырша) и Бостон. По другим сведениям, бостонцы являются выходцами из Шахимардана ((Фергана).

Для хозяйственной деятельности киргизов Джиргитальского района характерно большое значение земледелия наряду с основным занятием — животноводством. Охота, в частности на горных козлов, была и осталась значительным подспорьем в хозяйстве. Продолжают бытовать ремесла — плотничество, кузнечество, женские промыслы — ковроткачество, вязание шерстяных чулок, вязанье кошм и вышивание, однако ковроткачество переживает заметный упадок.

Как в материальной, так и в духовной культуре киргизов Каратегина сильно сказывается влияние узбеков Ферганы и особенно соседей-таджиков. Все население Джиргитальского района, как правило, двуязычно: говорят на киргизском и таджикском языках. Жилище, утварь, одежда и пища киргизов и таджиков в результате сильнейшего взаимовлияния культур обоих народов различаются мало. Наибольшие различия сохранились в свадебных и погребальных обрядах. Так, у таджиков молодую сразу уводят в дом мужа, киргизы же оставляют ее на несколько месяцев в доме отца. Невесту у киргизов одевают в старинные, вышедшие из обихода платья. На похоронах у киргизов приняты заплачки (рдау), отражающие кочевой быт; на могилах молодых людей киргизы ставят шесть со снятой кольцами корой и квадратными вышитыми лоскутами на развилке наверху. Этот обычай местами практикуется и у окрестных таджиков.

Таковы вкратце результаты работ 1954 г. Участники ее ведут обработку материалов и подготовку их к изданию.

А. Қ. Писарчик

ВЫСТАВКА ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

Состоявшаяся летом 1955 г. в Москве выставка, посвященная индийской культуре и искусству, была организована Министерством культуры СССР. На ней были представлены экспонаты, хранящиеся в музеях и библиотеках Советского Союза — в Музее восточных культур, Музее антропологии и этнографии АН СССР, в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина и др. Эта выставка еще раз показала глубокий интерес советских людей к Индии. Этот интерес является не только культурно-познавательным, — он характеризует прежде всего ту горячую симпатию, с которой советский народ относится к жизни, быту, искусству и литературе народов Индии.

Русско-индийские связи имеют глубокие исторические корни и давние и прочные традиции. Торговые и культурные отношения между Россией и Индией стали крепнуть и развиваться в XVII в. — в годы царствования Алексея Михайловича, который специальным указом отметил важность прибытия в Россию индийских купцов. «Ведомо нам учинилось, что индейцы, торговые люди, слыша нашу, царского величества, милость и жалованья и ко всяким иноземным торговым людям береженье, приехали в Асторохань с товарами своими многими. Да и вперед бы де индейцы в Асторохань ездили многие...», писал царь, повелевая своим чиновным людям всячески поощрять торговую деятельность индийцев в пределах Русского государства.

И еще за двести лет до этого был написан путевой дневник тверского купца Афанасия Никитина: «Написание Офанаса тферитина купца, что был в Индеи четыре года...». В этом дневнике, как в зеркале, отразились всесторонняя любознательность русского человека, его пытливый ум, его стремление познать богатую и необычайно интересную страну.